

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЕ ШАГИ	5
МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ.....	285
ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ	515

ПЕРВЫЕ ШАГИ

— Гребнев, к доске, — раздался строгий голос учительницы математики.

Витька нехотя встал, громко хлопнув крышкой парты.

— А чо меня опять спрашиваете, Валентина Яковлевна? — тоскливо заныл он. — На том уроке к доске вызывали, и на этом тоже.

Одноклассники захихикали. За окном класса стояла весна 1966 года, в те годы ученики одевались достаточно скромно, девочки были в обычных школьных платьях, ну а мальчишки кто во что горазд. По одежде Гребнева можно было сразу понять, что с деньгами в его семье дела обстоят не очень хорошо. На локтях его пиджака, заношенного еще старшим братом, погибшим год назад, виднелись аккуратные заплатки. Такие же заплатки красовались и на брюках. А застиранная рубашка, когда-то имевшая наглость называться белой, была застегнута на аккуратно пришитые, но разные пуговицы.

— Кого хочу, того и вызываю, — сварливо сообщила учительница. — Сейчас Гребнев расскажет нам три признака подобия треугольников.

Витька печально вздохнул и направился к доске. В классе откровенно заржали, глядя на его невзрачную фигурку. Действительно, Гребнев был самым мелким пацаном в классе, за что получил гордую кличку Шибздик. За время учебы кличка много раз мутировала от Шибздяка до Шибзды и Бздика. Но к восьмому классу в школе его

знали под прозвищем Шибза, и мало кто помнил, с чего все начиналось.

Кое-как ответив, Витька уселся за парту, и почти сразу зазвенел звонок.

— Ребя! Бежим в буфет! — заорал Сережка Харьковский. — Надо очередь занять!

Витька подскочил и ринулся к дверям, в которые уже пытались протиснуться самые шустрые парни. Из девочек никто не захотел участвовать в толкучке. Они насмешливо и с долей презрения следили за своими одноклассниками. Еще бы! У девочек уже грудь появилась, а парни как были дураками, так ими и остались.

Ничто не предвещало беды, когда Витька выбежал на лестничную клетку, но когда он поставил ногу на ступеньку, то запнулся о кого-то и кубарем покатился вниз по ступенькам. Он влетел головой прямо в пол, а затем упал на спину и уставился незрячими глазами в потолок, а на полу тем временем под его головой расплывалась небольшая лужица крови.

На дикий визг девчонок мгновенно собралась толпа любопытных учеников, сквозь которых пришлось пробираться встревоженной медсестре и пожилому директору школы, на ходу достававшему из нагрудного кармана валидол.

— Жив! — сообщила медсестра, проверив пульс на сонной артерии. — Надо скорую вызывать.

Директор, кинув под язык вторую таблетку валидола, принялся разгонять всех школьников на урок, звонок на который прозвучал пару минут назад.

Скорая помощь появилась через пятнадцать минут, а через двадцать Витьку Гребнева на деревянном щите и с зафиксированной головой везли в городскую нейрохирургию.

«Блин! Как ломит голову! С похмела что ли?» — Проламываясь сквозь боль, я пытался понять, где нахожусь и что

вообще происходит. Глаза у меня вроде бы были открыты, но вокруг стояла полная темнота. Попытка повернуть голову не удалась, но зато отозвалась еще большим приступом боли так, что я невольно застонал.

В ответ на мой стон в пересохший рот полилась струйка воды. Я прихватил губами носик чайника и начал лихорадочно глотать такую желанную прохладную жидкость. После чего вновь впал в забытье.

Придя в себя, через какое-то время открыл глаза и увидел в ярком дневном свете высоко над собой белый потолок с отшелушивающейся известкой.

Помня о боли, очень осторожно повернул голову налево и увидел на соседней койке мужика с забинтованной головой, похрапывающего во сне. Повернув направо, увидел примерно такого же мужика с забинтованной головой, только еще и его нога была загипсована и подвешена на сложной системе блоков.

«Понятно, я в больнице, и, скорее всего, в травме, или нейрохирургии, — подумалось мне. — Только я-то с какого перепуга здесь оказался?»

Попытка проверить свою память оказалась тщетной. Я помнил подробно, как пришел на корпоратив в честь столетия нашей психиатрической больницы. Помнил, как поднимал бокал, как танцевал с жарко обнимавшей меня главбухом Марией Ивановной Петуховой, весьма симпатичной женщиной средних лет. А потом все, память отшибло напрочь. Последнее, что помню, это как Мария Ивановна, стоя на коленях, лихорадочно расстегивала мне ширинку на брюках.

Оставив воспоминания на потом, снова начал разглядывать соседей по палате. Как ни странно, но из шести больных в сознании кроме меня никого не было.

Остановив взгляд на загипсованном больном, удивленно подумал:

«Интересно, ему вытяжку, что ли, делают? Надо же! Не знал, что у нас такие технологии еще в ходу».

В это время распахнулась дверь, и палату зашла медсестра, толстая бабенция лет сорока пяти. И если бы я не лежал, то точно упал бы в обморок. В руках она держала лоток со шприцами. И эти шприцы были многообразными.

«Боже! Куда я попал? Здесь садисты собрались? Откуда она набрала такое старье?»

Пользуясь тем, что больные ничего не соображали, медсестра быстро делала им уколы в бедро. Когда она ткнула иголку в бедро моему соседу, та, не пробив кожу, согнулась напополам.

Медсестра, не задумываясь, пальцами выпрямила иголку и вновь засадила ее в бедро. Мужик что-то промычал и дернул ногой.

— Ну, все, все, — пробурчала женщина и повернулась ко мне.

Увидев мои открытые глаза, она слегка вздрогнула и сказала:

— Мальчик, у тебя укольчик пенициллина.

— Я не разрешаю делать укол многообразным шприцом, вы меня гепатитом заразите или СПИДом! — воскликнул я и испуганно замолк.

Тонкий, писклявый, отвратительный голос был не моим. И причем тут мальчик?

— Поворачивай жопу ко мне, — приказала медсестра. — Хватит дурью маяться, мне еще две палаты надо проколоть.

— Даже не подумаю, — сообщил я тем же голоском. — И вообще, я на вас жалобу напишу в Минздрав, будете знать, как старыми иголками больных колоть и без перчаток работать. Что тут у вас за бардак происходит?

— Ах ты шкет! Не успел в себя прийти, как права качать начал! — воскликнула толстуха.

— Вера, что у тебя случилось, что за крики? — послышался мужской голос, и в палату заглянул врач, высокий мужичок грузинистого типа.

— Георгий Георгиевич, представляете, этот пионер только в себя пришел и сразу претензии начал предъявлять, — возмущенно доложила медсестра.

— Молодой человек, потрудитесь объяснить, чем вы недовольны? — спросил врач.

К этому времени, несмотря на шум в голове, я уже сообразил, что со мной происходит что-то непонятное, поэтому уже более спокойно сказал, что не хочу, чтобы мне делали уколы многократными шприцами, так как боюсь заразиться гепатитом. Все это сообщил прежним писклявым голосом, так не похожим на мой прежний.

Собеседник нахмурился.

— Молодой человек, поздно пить «Боржоми», когда почки отказали. Мы ведь тебя уже неделю колем, и еще один укол уже не повредит. А одноразовых шприцов у нас не имеется, рожей мы для них не вышли. Так что поворачивай свой глютеус, я тебе помогу, и Вера Николаевна сделает укол.

— Обойдетесь, — сообщил я и натянул на себя одеяло. После чего уставился на свои руки. Они тоже оказались не мои.

«Да я же попаданец!» — наконец дошла до меня правда жизни. Что-то долго я соображал, хотя прочитал за свою жизнь не одну сотню книжек с такими приключениями.

— Скажите, какой сейчас год? — неожиданно охрипшим голосом спросил я.

Георгий Георгиевич окинул меня заинтересованным взглядом и спросил:

— Паренек, а ты вообще что-нибудь помнишь? Расскажи немного о себе.

Я задумался. О себе я мог рассказать много чего интересного. А вот о мальчишке, в котором сейчас нахожусь, не знаю абсолютно ничего.

— Что, даже имя не помнишь? — спросил доктор, видя мои раздумья.

Я отрицательно мотнул головой.

— Ви... — сказал доктор. Видя, что я продолжаю тупо смотреть на него, он продолжил:

— Викт...

— Виктор, — сказал я. — Виктор Гребнев.

И замолк, почувствовав, как новые знания укладываются в моей памяти, в процессе чего снова отключился.

Видимо, без сознания я провалялся достаточно долго, не день и не два, потому что у соседа справа, когда я открыл глаза, блоков уже не наблюдалось, зато гипса явно прибавилось.

Но мне уже было не до него. Я разбирался с воспоминаниями прежнего хозяина этого тела. Увы, мальчишка умер. Момент смерти совпал с попаданием моей души, или еще какого-то нематериального образования, в его мозг. И сейчас я являюсь его полным владельцем. Каким-то образом моя память и память юноши смогли объединиться, и я сейчас вполне свободно пользуюсь ими обеими.

Эх, в другой ситуации я бы мог пофилософствовать со своими коллегами, начитавшимися Ясперса и Гегеля. Но сейчас обстановка явно не располагала. Не с кем было размышлять об ощущениях собственного Я и вещи в себе. Сейчас моя задача минимум состояла в том, чтобы не допустить очередную медсестру, вооруженную шприцом к своей заднице.

Чувствовал я себя на удивление неплохо, лишь немного ломило затылок.

Собравшись с духом, я уселся в кровати.

— Эй, пацан, не вздумай вставать, — предупредил загипсованный сосед. — Если хочешь в туалет, позови санитарку, она утку подаст.

Да, санитарку придется позвать, ибо звонков в палате не предусмотрено. Какие звонки в 1966 году?

Голова закружилась, и пришлось снова улечься в кровать. Как раз подошла санитарка и со старческим ворчанием ловко подсунула мне утку.

— Смотрю, оклемался ты, паренек, — заметила она между делом. — А когда тебя привезли, говорили, что не жилец. Литру крови с головы откачали.

Я вздрогнул, в памяти моего предшественника хорошо запечатлелся момент, когда он со всего маху влетел головой в метлахскую плитку лестничной клетки.

Санитарке я ничего не ответил, да она ответа и не ждала. Забрав утку, двинулась к дверям. А я вновь пытался разобраться, что же произошло со мной после танца с главбухом во время корпоратива. Но вместо воспоминаний на этом месте оставалась настоящая черная дыра. Похоже, наша мизансцена с Марьиванной в туалете не оставила равнодушным кого-то из гостей, и тот нанес мне, как пишут в милицейских рапортах, травмы, несовместимые с жизнью. Но теперь это уже было неважно. Все произошло в другом времени, отделенном от настоящего момента почти шестьдесятю годами. Целая человеческая жизнь, можно сказать.

Мои размышления были прерваны буфетчицей, привезшей лежачим больным обед в палату. Из шести больных таковых имелось двое, я и сосед. Остальные лежачие хрипло дышали на своих койках в сопорозном состоянии, дожидаясь, когда им медсестра нальет жидкой каши в желудок по зонду, потому как самостоятельно есть не могли.

Только вдохнув запах не особо аппетитного обеда, понял, как оголодал. Свесив ноги с кровати, уселся ближе к тумбочке, где стоял мой обед, и принялся за еду. Капустные щи сменились тушеной капустой с рыбной котлетой, но я сожрал все и даже попросил добавки. Котлеты мне, естественно, не дали, но капусты наложили даже больше, чем в первый раз.

С этого дня выздоровление пошло стремительными темпами. Вскоре я уже бродил неприкайным призраком по отделению, что весьма не нравилось персоналу. Ну, привыкли они, что их пациенты в основном спокойно себе ле-

жат на койках и никуда не встречаются. Я, собственно, тоже никуда не встречал, занимался читкой газет и прочей литературы, попадающей в руки.

Вообще ситуация была неприятная. Мой предшественник в этом теле ухитрился получить травму практически в конце мая. Считай, весь июнь я провалялся в больнице. А экзамены за восьмой класс-то не сданы.

В принципе, мне было наплевать на экзамены, но, к сожалению, меня никто особо не спрашивал. Ни учителя, ни мама. Та, придя в больницу, после непродолжительных рыданий и объятий заявила, что обо всем договорилась, и я смогу сдать экзамены сразу после выписки. Все учителя в курсе моего несчастья и придираются не будут.

Я слушал эту совершенно чужую для меня женщину и понимал, что при всем желании не могу ее огорчить, поэтому, насколько возможно, буду играть роль ее сына. Тем более что одного сына она уже похоронила. Старший брат Витьки погиб во время службы в армии.

Я же в это время был озабочен совсем другим. Никогда бы не подумал, что так прикипел к сотовому телефону и возможностям Интернета. Их отсутствие раздражало до ужаса. То и дело ловил себя на мысли, что надо позвонить или зайти на очередной сайт. Наверное, из-за этого я вел себя слегка неадекватно, так что меня отправили на консультацию к психиатру.

Увидев его, я не смог сдержать смешка. В кабинете сидел мой коллега, можно сказать учитель Абрам Кацман. С ним я познакомился еще в интернатуре, когда начал работать в психиатрии, он к этому времени уже проработал более десяти лет и казался мне неистощимым кладезем премудрости. Сейчас же он был только в начале своей карьеры, поэтому внимательно относился к беседе с больными.

Мы с ним поговорили за жизнь, пришлось растолковать пословицы, разгадать несколько загадок и даже пройти тест Роршаха. Меня так и подмывало подшутить над ним, но

удержался, зная, что Абрам шуток не понимает и может написать всякую гадость в заключении.

Выйдя из кабинета, я открыл историю болезни, в которой синим по белому было написано: «Умственная отсталость в степени легкой дебильности на фоне перенесенной черепно-мозговой травмы».

«Отлично, даже шуток не понадобилось — подумал я. — Хоть в армию не возьмут. А если и возьмут, то только в стройбат. Два года придется терять. Эх, жизнь моя жестянка! Интересно, кто был тот подлец, что отправил меня на перерождение? Приревновал, что Петухова не ему собралась делать минет. Вот ведь гаденыш! Между прочим, Марьиванна Петухова — свободная, самостоятельная женщина и сама решает, где и с кем проводить время».

А ведь в принципе у меня была вполне приличная жизнь. Авторитетный заведующий отделением психиатрической больницы, кандидат медицинских наук. Ну и что, что мою диссертацию никто кроме рецензентов не читал, главное, что денежки за звание капали. Квартира, машина, дача, десять лет назад развод с женой, любовница, двое взрослых детей и четверо внуков. Что еще нужно для счастья? И вот какой-то хмырь лишил меня всего этого набора, запихнув в тело восьмиклассника, которому придется заново добиваться всего этого капитала.

Кстати, визит Валентины Викторовны, матери моего нынешнего тела, что-то сдвинул в моем мироощущении. До ее появления я занимался ерундой. Большую часть времени размышлял над тем, каким образом мое сознание переместилось на много лет назад, притом в юношу из того же города, но почему-то не в меня молодого, и кто в этом виноват.

Однако беседа с матерью заставила оставить бесплодные умствования, от которых полезного выхода было ноль целых ноль десятых, и перейти к размышлениям о своем будущем. Что-то мне подсказывало, что раз я переселился

в новое тело, жить в нем придется до самой смерти, так что от этого и начнем плясать.

Увы, особой пляски не получалось. Да, знания врача-психиатра остались у меня в полном объеме, вот только кому они сейчас нужны? Правильно, никому. Второй вопрос, есть ли в прошлом, то есть в настоящем, что-то такое, что поможет мне в жизни?

Да ничего! О кладах я знать ничего не знаю, итогов всяческих матчей не помню. От большинства песен вспомню по паре строчек. Да и со слухом у меня проблемы. Последние годы я даже телевизор не смотрел, мне вполне хватало изучения своей специальной литературы, ну и изучения сайтов в Интернете. Вот такой я бесполезный для общества попаданец, ничего толкового из будущего не притащил, даже кнопочного телефона, не говоря уже об айфоне. А уж заявить о том, что я из будущего, мне и в голову не могло прийти, учитывая мою профессию.

Эх, сколько таких гостей из будущего перебивало у меня в отделении! Надо сказать, что за тридцать лет работы структура бредовых высказываний шизофреников претерпела значительные изменения. В прежние времена о космосе редко вспоминали. Больше о ведьмах, русалках и прочей нечисти. Помню, правда, одного больного, считающего себя сыном Аллы Пугачевой. Он свой дом изнутри обшил листами алюминия, чтобы заэкранировать космические лучи, которыми его облучали зеленые человечки. Вроде помогло. По крайней мере, к нам попадать он стал намного реже.

В последние годы все больше моих пациентов вступали в контакт с инопланетянами, участвовали в межгалактических сражениях и телепатически общались с братьями по разуму в иных измерениях. Конечно, это были мужчины. У женщин же вся бредовуха была основана на сексе, и слушать их быстро надоедало, тем более что они моментально включали в свой бред лечащего врача, то есть меня, что было не очень приятно.

Я же вроде бы считаю себя здоровым индивидуумом, чтобы рассказывать о переселении душ и в результате навек поселиться в палате № 6. Хотя, кто его знает? Возможно, я недалеко ушел от моих бывших пациентов. Самому себе диагноз психического заболевания не поставишь.

Ага, а вот это интересное воспоминание! Оказывается, Витька Гребнев неплохо рисовал, но, будучи стеснительным парнишкой, никому об этом не говорил. В альбоме, который принесла мама, чтобы мне было чем заняться, имелось несколько карандашных набросков, с моей непрофессиональной точки зрения, вполне приличных. Интересно, смогу ли я повторить эти рисунки?

Но сейчас надо было определяться с будущим и решать, продолжать ли учебу в школе или идти в техникум и получать профессию. По Витькиным воспоминаниям, жили они с мамой от зарплаты до зарплаты, но вдвоем на восемьдесят рублей особо не разбежишься, поэтому приходилось экономить. Хорошо еще, что сразу за домом начинался лес, поэтому в сезон не надо было далеко ходить, чтобы натаскать грибов и ягод на целый год вперед. А с разработанного огорода снималось по десять мешков картошки и в меньшем количестве прочих овощей.

В общем, к моменту выписки из больницы я определился: надо поступать в техникум или ПТУ. Не определился лишь с вопросом, в какой именно техникум я хочу попасть.

В первых числах июля меня после долгих и упорных просьб выписали домой. Да, это вам не лечиться в российской больнице по страховому полису ОМС, когда тебе дадут пинка сразу после того, как ты отлежишь установленный срок для своего заболевания. У нас пока еще лечат, сколько потребуется, хотя за всю огромную страну говорить не буду. Знаю только одно правило, действительно в нашей стране для всех времен. Чем южнее ты живешь, тем дороже тебе обойдется лечение, а качество будет ниже.

— Ты, Витек, на удивление быстро восстановился, — отметил при выписке лечащий врач. — Пожалуй, я такого

еще не видел. И заметь, как я тебя классно заштопал. Даже вмятины в твоей глупой башке не осталось. Все черепные косточки сохранил. На рентгене следы перелома почти не видны.

Я с благодарностью кивнул доктору. Действительно, мне повезло, а мог бы, как многие больные, ходить с вмятиной на полголовы, год ждать очереди на постановку металлической пластины и постоянно носить шапку, чтобы не пугать окружающих своим видом.

Хотя я относил мое быстрое восстановление большей частью на счет той неведомой силы, перенесшей мое сознание не только на шестьдесят лет назад, но и на многие миллиарды километров назад, в ту точку, где планета Земля находилась в то время и затем со скоростью 200 км/с удалялась от нее. Но переубеждать доктора я не собирался. Пусть относит мое выздоровление на счет своего профессионализма.

Мама, зная о выписке, пришла меня встречать. Что было совсем нетрудно. Наш дом находился на другой стороне улицы, где располагалась больница, и закрывался от нее зданием станции переливания крови.

Обойдя здание станции, мы вышли на узкую грунтовку, ведущую к двум деревянным двухэтажным домам, расположенным на краю лесного массива. В дальнем доме на втором этаже располагалась наша квартира.

Когда мы подошли ко входу в подъезд, из него вывалился пьяный в хлам Валерка Лебедев, парень примерно моей комплекции, но на год старше,

— О, какие люди! Шибза, ты чо, уже поправился? — воскликнул он, размахивая гитарой, держа ее за гриф.

— Ой, здрасти, тетя Валя! — поздоровался он с мамой.

— Здравствуй, Валера, — печально вздохнула она. — Ты почему не в училище?

— Теть Валь, ты чего? — натурально удивился Валерка. — У меня же практика сейчас на заводе.

— Да, вижу я, как ты практикуешься, — сердито ответила мама. — Опять на гитаре весь вечер тренькать будешь?

— Ага, буду, — согласился Лебедев, — мне сегодня слова одной песенки подогна́ли. Вот послушайте.

Он уселся на пенек, стоявший у дверей, тронул гитарные струны. И запел прокуренным тенорком.

Самой нежной любви наступает конец.
Бесконечной тоски обрывается пряжа.

«А у парня неплохо, получается», — подумал я.

Но тут мама дернула меня за рукав.

— Не стой столбом, пошли домой. Еще слушаешься этих песен. Лучше бы уроки учил, больше бы толку было.

Когда мы подошли к двери в квартиру, Валерка сменил пластинку.

Затихает музыка в саду,
и девчонка, видно, всем чужая.
Все подруги с парнями идут,
только лишь ее не провожают.

Его голос разносился по окрестностям, а когда я выглянул из окна кухни, напротив Лебедева на скамейке уже пристроились две сестры, Машка и Ирка Феклистовы из первой квартиры. Их присутствие явно приободрило музыканта, и он продолжил свой концерт.

— Ну, что ты к окну прилип? — раздраженно заметила мама. — Переодевайся в домашнее, мой руки, и будем обедать. Я сегодня щи сварила на баранине. Повезло у цыган купить на рынке.

Оторвавшись от уличного представления, я прошел в свою комнату и сразу встретился с глазами брата, смотревшего на меня с фотографии на комод. Не знаю отчего, но я почувствовал себя неловко, как будто в чем-то виноват перед ним.

Вовка Гребнев был старше меня на четыре года и, в отличие от младшего брата, был весьма здоровым и крепким парнем, к тому же боксером. Поэтому меня, то есть Витьку,